

ДОХОДЫ, БЕДНОСТЬ И ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЕ РАСХОДЫ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ: ДОЛГОСРОЧНЫЕ ТРЕНДЫ И ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ

Пастухова Е. Я.^а, Бельчик Т. А.^а, Кочнева О. П.^б

^а Кемеровский государственный университет

^б Кузбасский региональный институт развития профессионального образования

АННОТАЦИЯ:

Актуальность. В соответствии с Единым планом по достижению национальных целей развития РФ ежегодный темп роста реальных доходов населения должен составлять 102,5 %, уровень бедности нужно сократить в два раза к уровню 2017 г. Существенные региональные различия по доходам, бедности являются препятствиями в достижении поставленных целей. Сибирские регионы на протяжении длительного времени имеют более низкие показатели доходов, более высокий уровень бедности по сравнению со средними значениями в России. Это обуславливает научную и практическую значимость исследования.

Цель исследования: анализ долгосрочных доходов, абсолютной бедности, потребительских расходов населения с целью определения социально-экономических факторов, работающих на рост и сокращение доходов, масштабов бедности, изменения потребительского поведения населения.

Методы исследования. Для оценки уровня бедности использовалась концепция абсолютной бедности, а также сравнительный, динамический анализ, корреляционный и регрессионный множественный анализ.

Результаты. В 2014–2020 гг. сформировался тренд на сокращение и стагнацию доходов населения. В 2020–2021 гг. началось постепенное снижение абсолютной бедности благодаря росту таргетированной помощи семьям с детьми, безработным, домохозяйствам с доходами ниже прожиточного минимума. Изменения в потребительском поведении: до 2014 г. сокращение расходов на питание, затем обратный сдвиг; увеличение расходов на услуги, в т.ч. на жилищно-коммунальные и транспортные. В условиях пандемии - рост потребления медицинских услуг. В зависимости от уровня бедности сибирские территории классифицированы на регионы-аутсайдеры с максимально высокой долей малоимущих (Тыва, Горный Алтай, Бурятия), проблемные и менее проблемные территории со средними и относительно низкими масштабами бедности. Выявлены факторы, которые оказывают статистически значимое влияние на бедность. Это уровень доходов, внутрирегиональное неравенство доходов, доля сельского населения, иждивенческая нагрузка детьми. В группе проблемных и менее проблемных территорий значимым фактором является уровень занятости. Увеличение занятости работает на снижение доли малоимущих. Общероссийская стратегия сокращения масштабов бедности за счет роста доходов, уровня занятости, помощи семьям с детьми станет более результативной, если будет учитывать демографические, экономические, поселенческие особенности различных территорий.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: доходы населения, абсолютная бедность, расходы на питание, расходы на услуги, факторы бедности, сибирские регионы.

БЛАГОДАРНОСТИ: Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Международного научного фонда экономических исследований академика Н.П. Федоренко.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Пастухова Е. Я., Бельчик Т. А., Кочнева О. П. Доходы, бедность и потребительские расходы населения регионов: долгосрочные тренды и факторы влияния // Вопросы управления. 2023. Т. 17, № 3. С. 5-18. EDN ZEFYNP. DOI 10.22394/2304-3369-2023-3-5-18.

■ ВВЕДЕНИЕ

В социально-экономических науках состояние, динамика доходов и потребительских расходов населения рассматриваются как ключевые индикаторы уровня жизни, важное условие развития экономики региона, страны в целом. Обеспечение устойчивого роста реальных доходов населения, сокращение уровня бедности заявлено в «Едином плане по достижению национальных целей развития РФ на период до 2024 г. и на плановый период до 2030 года»¹. В соответствии с Единым планом ежегодный рост реальных доходов населения должен быть не ниже 102,5 %. Уровень бедности нужно сократить в два раза по сравнению с 2017 г., то есть с 12,9 % до 6,5 %. Препятствиями достижения поставленных целей являются более низкий уровень доходов, более высокие масштабы абсолютной бедности в регионах Сибирского федерального округа (СФО) по сравнению со средними значениями в РФ. В СФО в 2014–2017, 2020 гг. реальные доходы снижались более интенсивно, чем в целом в России. За этот же период в сибирских территориях масштабы бедности изменялись в пределах 12,4–38,3 %. В среднем в РФ аналогичные показатели равны 11,0–13,4 %. Все это свидетельствует о значимой межрегиональной дифференциации доходов и уровня абсолютной бедности.

Динамика доходов населения и потребительских расходов домохозяйств существенно менялась на протяжении 2013–2021 гг. под влиянием макроэкономических факторов, инфляции, экономических кризисов, уровня занятости, общей и регистрируемой безработицы, реализуемой социальной политики по оказанию помощи нуждающимся гражданам, семьям. В данной работе временной период 2014–2021 гг. будет сравниваться с 2013 г., т. к. за последние двадцать лет этот год был лучшим по уровню доходов и масштабам бедности.

Данные государственной статистики за 2022 г., характеризующие доходы, расходы населения,

уровень бедности в региональном разрезе, будут доступны только осенью 2023 г. Но по сибирским территориям можно ожидать более низкие значения анализируемых показателей по сравнению с аналогичными данными в среднем по России. Это обуславливает научную и практическую значимость анализа долгосрочных трендов доходов, масштабов бедности, потребительских расходов на региональном уровне с целью определения экономических, демографических, поселенческих факторов, работающих на рост и сокращение доходов, удельного веса малоимущих граждан, изменения потребительского поведения населения.

■ ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Экономическая, социологическая, статистическая литература, посвященная изучению динамики номинальных и реальных доходов населения, масштабов и факторов абсолютной, субъективной бедности, потребительских расходов, достаточно многообразна. Доходы, бедность, потребительское поведение анализируются в контексте оценки материального благосостояния [1], социально-экономического неравенства [2], депривации [3], уровня жизни [4] и качества жизни населения [5]. Исследователи Л. Н. Овчарова, Д. О. Попова анализировали основные тенденции в изменении уровня жизни россиян за 1991–2011 гг. Ученые сделали вывод о том, что в течение изучаемого периода реальные доходы домохозяйств увеличились в полтора раза, что позволило людям инвестировать ресурсы в повышение качества человеческого капитала. Авторы оценили произошедшие изменения в потребительском поведении как переход от «модели выживания» к «модели развития» [6].

Ученый А. М. Григорьев с коллегами исследовал динамику доходов, потребительских расходов во время экономического кризиса (2014–2016 гг.) и периода восстановительного роста (2017–2018 гг.) После падения реальных доходов, сокращения потребительского спроса на товары начался период восстановления, улучшения ситуации в экономике. Авторы делают вывод, что процесс адаптации регионов к усло-

¹ Единый план по достижению национальных целей развития РФ на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года // ГАРАНТ.РУ. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/402829258/> (дата обращения: 25.01.2023).

виям кризиса и выхода из него существенно различается для территорий с различной экономической специализацией [7].

Изменения потребительского поведения населения в различные периоды экономического развития и оценка влияния на этот процесс наиболее значимых факторов исследовалась в работах Н. В. Зубаревич [8], Н. Н. Михеевой [9], П. А. Минакир [10], Е. Е. Елизарова и А. Л. Сеницы [11]. Ученые, анализируя соответствующие тенденции, выделяли следующие значимые факторы влияния: уровень дохода, неравенство по доходу, отраслевая структура занятости, доля детей в численности населения региона, доля городского и сельского населения в регионе, географические и природно-климатические особенности территорий.

Особое внимание ученые уделяли проблемам неравенства в уровне доходов и потреблении, сравнивая структуру потребительских расходов высокодоходных и низкодоходных групп населения [12]. По данным Росстата, в 2021 г. В среднем по РФ 10 % самых бедных семей тратили на продукты питания более 50 % своих доходов. Аналогичный показатель у 10 % самых обеспеченных составил менее 20 %.

Исследователь В. Н. Бобков с коллегами, анализируя проблему неравенства, выделяет наиболее проблемные российские территории по макроэкономическим показателям развития и масштабам бедности. По мнению ученых, радикальному сокращению численности бедных может способствовать повышение минимальной заработной платы, пенсий, оказание социальной помощи детям из малообеспеченных семей [13].

Территориальные различия в уровне жизни населения, в масштабах и профиле абсолютной, относительной бедности рассматривались в работах Т. Zelinsky [14], Н. В. Зубаревич [15], Л. Н. Овчаровой и Е. А. Гориной [16], З. И. Калугиной [17], Е. Г. Решетниковой [18] и других исследователей. На фоне большего числа публикаций, посвященных динамике уровня доходов, бедности, структурным изменениям в потребительском поведении населения в целом по России, региональных исследований по этой теме немного. Обзор опубликованных работ по аналогичной тематике показывает необходимость более детального и длительного по временному периоду анализа с учетом региональной специфики отдельных субъектов РФ.

■ МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Информационной основой исследования стали данные региональной статистики Росстата за 2013–2021 гг. Доходы, потребительские расходы домохозяйств, доля лиц с доходами ниже величины прожиточного минимума (уровень абсолютной бедности) в региональном разрезе представлены на сайте Федеральной службы государственной статистики в разделах «Уровень жизни»², «Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств»³, «Неравенство и бедность»⁴, «Регионы России. Социально-экономические показатели»⁵.

Анализ динамики доходов, уровня бедности, потребительских расходов был основан на следующих статистических показателях. Для оценки динамики доходов был использован показатель «соотношение денежных доходов населения с величиной регионального прожиточного минимума (ПМ)». Уровень бедности рассматривался как «доля населения с доходами ниже величины ПМ» (абсолютная бедность). Потребительское поведение населения исследовалось на основе данных о структуре расходов домохозяйств на конечное потребление.

Оценка взаимосвязи вышеназванных показателей и различных факторов влияния предполагала изучение экономических, демографических, поселенческих детерминант. Экономические – это уровень занятости; уровень общей безработицы, измеренной по методологии МОТ; внутрирегиональное неравенство доходов, измеряемое коэффициентом фондов; денежные душевые доходы населения, скорректированные на величину ПМ; соотношение среднедушевого объема инвестиций в регионе и аналогичного показателя в среднем по РФ. Демографические детерминанты – это доля населения младше и старше трудоспособного возраста в возрастной структуре региона. Поселенче-

² Население. Уровень жизни // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 25.01.2023).

³ Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13271> (дата обращения: 25.01.2023).

⁴ Неравенство и бедность // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения: 25.01.2023).

⁵ Социально-экономические показатели. Федеральная служба государственной статистики. Регионы России. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 25.01.2023).

ские – удельный вес городских и сельских жителей в общей численности населения региона, численность жителей региональной столицы.

В работе применялись общенаучные (анализ, сравнение, обобщение) и эконометрические методы (корреляционный, множественный регрессионный анализ) исследования. Для расчета коэффициентов корреляции, множественной регрессии был использован пакет прикладных программ *IBM SPSS Statistics Base*.

■ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Уровень доходов и масштабы бедности в сибирских регионах. В 2013 г. в современной России было достигнуто самое высокое за последние двадцать лет значение показателя «душевые денежные доходы населения, скорректированные на величину прожиточного минимума». Также в 2013 г. были зафиксированы минимальные масштабы бедности (10,8 % – доля людей с доходами ниже величины ПМ)⁶.

В 2013 г. соотношение душевых доходов к ПМ составило 351 % в целом по РФ. Позитивная динамика данного показателя наблюдалась во всех сибирских регионах. Однако соответствующее значение было более низким, чем в среднем по России. В экономически развитых территориях среднедушевой доход, скорректированный на величину ПМ, составил в Новосибирской области 300 %, в Омской – 323 %, в Томской – 295 %, в Кемеровской – 283 %, в Красноярском крае – 298 %. Значение данного показателя было значительно ниже в национальных республиках Сибири (Алтай, Бурятия, Тыва, Хакасия) и регионах, специализирующихся на аграрном производстве (Алтайский и Забайкальский края). Соответствующие данные представлены в динамике в таблице 1.

Под влиянием экономического кризиса 2014–2017 гг. уровень доходов домохозяйств сократился во всех регионах. Из числа сибирских регионов данный кризис повлиял наиболее негативно на доходы населения Забайкальского края (спад доходов на 21 % в 2016 г. к уровню 2013 г.). Серьезно пострадали от этого кризиса индустриально развитые регионы Сибири, часть

из которых специализируется на добыче, переработке углеводородов. Это Томская, Кемеровская, Иркутская области и Красноярский край (спад денежных доходов на 15–17 % в 2016 г. к уровню 2013 г.). В Новосибирской области, с высокой долей занятых в сервисной экономике, сокращение уровня доходов населения составило за соответствующий период 14 %.

В 2018–2019 гг. во многих сибирских территориях начался восстановительный рост доходов, который был прерван в 2020 г. по причине коронавирусного кризиса, введения карантинных мер. За 2020 г. сокращение денежных доходов населения, скорректированных на величину ПМ, составило 3–4 % в большинстве сибирских регионов. В 2021 г. в СФО динамика душевых доходов домохозяйств по отношению к ПМ была положительная. Однако отставание от аналогичного показателя в среднем по России продолжало оставаться значимым.

Оценка денежных доходов населения и социально-экономических факторов позволила выявить следующую взаимосвязь. Уровень занятости, внутрирегиональное неравенство доходов, уровень урбанизации, численность жителей региональной столицы, доля граждан старше трудоспособного возраста положительно коррелируют с уровнем доходов по отношению к ПМ. Позитивное влияние на доходы фактора «доля лиц старше трудоспособного возраста» обусловлено тем, с 2000-х годов пенсионеры получают доплаты, доводящие их пенсии до величины прожиточного минимума для данной категории [19, с. 86]. Расчеты парных корреляций о взаимосвязи уровня доходов и социально-экономических показателей представлены в таблице 2.

Общий уровень безработицы, повышенная доля детей в возрастной структуре региона отрицательно коррелируют со среднедушевыми доходами, скорректированными на величину ПМ. Действие этих факторов достаточно устойчиво. Но в 2021 коронавирусном году немного ослабло влияние безработицы и «иждивенческой детской нагрузки» на доходы домохозяйств по сравнению с 2013 г. В 2021 г. семьи с детьми, безработные, пенсионеры получили дополнительные денежные выплаты из федерального бюджета с целью поддержки семей в условиях пандемии.

Региональная динамика доходов во многом определяет изменения в уровне абсолютной

⁶ В 2022 г. по предварительным данным Росстата доля населения с доходами ниже границы бедности в целом по РФ составила 10,5 %. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/36_10-03-2023.html (дата обращения: 25.01.2023).

Таблица 1 – Соотношение денежных доходов населения и величины прожиточного минимума в сибирских регионах, %

Table 1 – The level of income of the population to the living wage in the Siberian regions, %

Регионы СФО	2013	2014	2015	2017	2018	2019	2020	2021
Республика Алтай	214	214	189	192	204	200	200	212
Республика Бурятия	264	258	251	244	233	222	210	216
Республика Тыва	173	165	159	155	157	157	160	172
Республика Хакасия	235	223	211	218	220	208	202	218
Алтайский край	242	246	237	243	244	240	232	239
Забайкальский край	265	237	215	212	215	211	202	211
Красноярский край	298	271	251	254	258	254	249	266
Иркутская область	267	236	219	234	233	230	223	246
Кемеровская область	283	266	248	240	250	247	239	264
Новосибирская область	300	270	245	258	268	269	262	286
Омская область	323	327	296	278	279	272	264	282
Томская область	295	283	254	248	250	248	241	251
Российская Федерация	351	341	312	316	322	324	315	342

Таблица 2 – Корреляционная связь душевых денежных доходов и социально-экономических показателей

Table 2 – Correlation of money income per capita and socio-economic indicators

Регионы СФО	Коэффициент корреляции		
	2013	2020	2021
Уровень занятости	0,795	0,863	0,865
Численность жителей региональной столицы	0,723	0,589	0,643
Уровень урбанизации	0,712	0,572	0,634
Внутрирегиональное неравенство доходов (коэффициент фондов)	0,698	0,512	0,596
Доля населения старше трудоспособного возраста	0,492	0,538	0,568
Уровень общей безработицы	- 0,772	- 0,669	- 0,597
Доля населения моложе трудоспособного возраста	- 0,799	- 0,714	- 0,646

Прим.: Spearman (sig.) на уровне значимости $p < 0,05$; $N = 16$. Расчеты произведены авторами на основе данных региональной статистики Росстата.

бедности. Все сибирские регионы по доле граждан с доходами ниже ПМ можно классифицировать на три группы. Регионы-аутсайдеры с долей малоимущих от 19 % и выше в течение всего исследуемого периода (Республики Алтай, Тыва, Бурятия). Проблемные регионы с масштабами бедности 16–20 % (Республика Хакасия, Алтайский и Забайкальский края, Иркутская область). Менее проблемные регионы с масштабами бедности 12–15 % за 2014–2021 гг. (Красноярский край, Новосибирская, Кемеровская, Омская и Томская области).

Денежные доходы населения по отношению к прожиточному минимуму значительно снизились в 2014–2017 гг. На этом фоне вырос уровень абсолютной бедности. В 2013 г. только в двух сибирских субъектах (республики Алтай и Тыва) доля малоимущих была выше 19 %. В 2016 г. число таких территорий увеличилось до шести. Для Горного Алтая, Тывы, Бурятии наиболее значимый фактор бедности – это иждивенче-

ская нагрузка детьми. Доля несовершеннолетних в национальных республиках Сибири одна из самых высоких в РФ. В Тыве этот показатель равен 34 %, в республике Алтай – 27 % при среднероссийском значении 19 %. В Тыве и Горном Алтае уровень бедности один из самых высоких в России (28,2 % и 22,4 % в 2021 г.). Повышены масштабы бедности в субъектах с достаточно молодой возрастной структурой населения. Это Бурятия (масштабы бедности составляли 19,5 % в 2021 г.), Забайкальский край (19,3 %), Республика Хакасия (17,9 %).

Поселенческий фактор также дифференцирует регионы по уровню бедности. Доля людей с доходами ниже величины ПМ в полтора раза чаще встречается в сельской местности по сравнению с городской. Высокая доля сельских жителей в Республиках Алтай (71 %), Бурятия (41 %), Тыва (46 %), в Алтайском (43 %) и Забайкальском (32 %) краях является значимым фактором риска бедности.

Таблица 3 – Характеристики регрессионных уравнений по сибирским регионам в 2021 г.**Table 3** – Characteristics of regression equations for Siberian regions in 2021

Факторы влияния на уровень бедности	Уровень бедности в регионах 12–28 % (y_1)	Уровень бедности в регионах 12–17 % (y_2)
Константа	17,729	48,879
Соотношение СДД с региональным ПМ (x_1)	– 0,046	– 0,094
Коэффициент фондов (x_2)	1, 112	1,337
Уровень занятости (x_7)	слабое влияние	– 0,408
Доля сельского населения в структуре региона (x_4)	0,141	слабое влияние
Доля детей в возрастной структуре региона (x_5)	0,599	0,513
Соотношение среднедушевого объема инвестиций в регионе к среднедушевому объему в целом по РФ	слабое влияние	слабое влияние

Прим.: в регрессионную модель включены переменные на уровне значимости 0,000. Расчеты произведены авторами на основе данных региональной статистики Росстата.

Для выявления причинно-следственной связи между уровнем бедности и различными факторами влияния были рассчитаны уравнения множественной линейной регрессии по всем сибирским регионам (доля малоимущих 12–28 % в 2021 г.). Для группировки регионов с уровнем бедности 12–17 % были рассчитаны отдельные регрессионные модели. Из последней группировки исключены регионы-аутсайдеры. В регрессионную модель были добавлены ключевые независимые переменные. Это экономические (x_1 , x_2 , x_7), поселенческие (x_4), демографические показатели (x_5). Зависимые переменные – это уровень бедности по сибирским регионам в 2021 г. (y_1 и y_2).

Для оценки значимости множественных регрессионных моделей были определены коэффициенты детерминации. Из восьми регрессионных уравнений выбраны два, которые имели максимальные коэффициенты детерминации: 0,972 (y_1) и 0,955 (y_2). То есть в 95,5–97,2 % случаев уровень абсолютной бедности объясняется включенными в модель независимыми переменными. Описание регрессионных уравнений представлено в таблице 3.

В 2021 г. значимое влияние на масштабы бедности во всех сибирских регионах оказывали уровень доходов по отношению к ПМ, внутрирегиональное неравенство доходов, измеряемое коэффициентом фондов, доля сельского населения в структуре территории, иждивенческая нагрузка детьми. В группировке регионов с уровнем бедности 12–17 % доля селян не оказывает существенного влияния на зависимую переменную. В этой группировке территорий значимым фактором выступает уровень занятости. В 2021 г. следующие независимые переменные

не показали значимой связи с уровнем бедности. Это уровень общей безработицы, численность жителей региональной столицы, среднедушевые инвестиции в регионе, доля населения старше трудоспособного возраста.

Сложившиеся долгосрочные тренды в динамике доходов, масштабов абсолютной бедности повлияли на структуру потребительских расходов населения. Соответствующие изменения в потреблении рассмотрены на основе данных выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств, проводимого Росстатом.

Структура потребительских расходов населения. Потребительское поведение домохозяйств является важным индикатором благосостояния, которое тесно связано с доходами и уровнем бедности. Существует устойчивая взаимосвязь между доходами населения и долей расходов на питание. Удельный вес расходов на продукты питания в структуре потребительских расходов сильнее всего зависит от базового фактора – уровня доходов населения [20].

В современной России самая низкая доля расходов на питание (30 %) фиксировалась в 2013 г. [21]. Динамика данного показателя по сибирским регионам представлена в таблице 4.

Территориальные различия в доле расходов на питание во многом были обусловлены уровнем экономического развития регионов и уровнем урбанизации. В течение всего исследуемого периода только два экономически развитых сибирских региона (Красноярский край, Томская область) показывали более низкую долю расходов на питание по сравнению с аналогичным показателем в среднем по РФ.

Наиболее высокая доля расходов на питание фиксировалась в экономически слабо развитых

Таблица 4 – Динамика доли расходов на питание в потребительской структуре населения сибирских регионов, %
Table 4 – Dynamics the share of food expenditures in the consumer structure in the Siberian regions, %

Регионы СФО	2013	2014	2015	2017	2018	2019	2020	2021
Республика Алтай	36	37	36	37	36	36	36	36
Республика Бурятия	38	38	48	38	40	35	40	38
Республика Тыва	37	41	42	43	39	37	34	29
Республика Хакасия	32	37	38	38	39	38	37	38
Алтайский край	36	37	37	40	38	40	39	37
Забайкальский край	34	37	43	40	38	39	39	38
Красноярский край	26	31	32	34	35	32	35	32
Иркутская область	35	38	36	38	38	34	39	38
Кемеровская область	34	37	37	38	35	35	34	35
Новосибирская область	31	33	38	41	40	44	37	40
Омская область	36	40	43	39	36	37	42	41
Томская область	23	29	34	33	36	33	33	36
Сибирский федеральный округ	31	35	37	38	37	37	37	36
Российская Федерация	30	34	37	36	35	35	37	36

республиках Сибири с повышенной долей сельских жителей (Республики Бурятия, Тыва, Хакасия, Забайкальский край). В этих территориях ниже уровень доходов населения, достаточно высокие показатели общей безработицы, повышенная доля людей с доходами ниже величины прожиточного минимума. Последствиями экономических кризисов 2014–2017 гг., 2020 г. стало снижение реальных доходов населения и рост доли расходов на продукты питания. Экономический спад в эти годы работал на небольшой сдвиг в худшую сторону в структуре потребления.

На этом фоне трудно объяснить позитивную тенденцию по сокращению доли расходов на питание в Республике Тыва в 2020–2021 гг. Доля соответствующих расходов в Тыве снизилась с 37 % в 2019 г. до 27 % в 2021 г. Сильные колебания данного показателя по отдельным регионам вызывают много вопросов. Эксперты в области регионального развития достоверность таких колебаний оценивают достаточно низко [22].

Региональная статистика позволяет оценить различия между территориями в использовании доходов на приобретение недвижимости. В РФ лидерами по использованию доходов на покупку недвижимости являются Москва, Московская область, Санкт-Петербург, с 2013 г. Тюменская область с двумя автономными округами, входящими в ее состав. В структуре потребительских расходов населения этих территорий доля средств на приобретение недвижимости составляла в разные годы от 4 до 10 %. В большинстве сибирских регионов аналогич-

ный показатель не превышал 2,0–2,5 % в течение всего исследуемого периода. Только в Красноярском крае, Томской, Кемеровской и Иркутской областях в отдельные годы доля расходов на недвижимость доходила до 4–6 %. Вышеназванные регионы в 2013–2014 гг. (Красноярский край, Томская и Кемеровская области), в 2019–2021 гг. (Иркутская область) наращивали объемы добычи углеводородов, что обеспечило позитивную динамику реальных доходов населения, проживающих на этих территориях. Рост доходов домохозяйств обеспечивает структурный сдвиг в сторону покупки жилья. В кризисные 2015–2017, 2020 гг. расходы на приобретение недвижимости сокращались во всех регионах СФО, в том числе относительно развитых.

Тенденция по увеличению доли расходов на потребление услуг достаточно явно проявилась в 2013–2021 гг. В среднем по России соответствующий показатель за этот время увеличился с 20 до 28 %. Существенную долю в общем объеме услуг занимают жилищно-коммунальные (далее – ЖКУ) и транспортные услуги, которые должны оплачивать почти все население. Динамика доли расходов домохозяйств на ЖКУ и транспортные услуги по сибирским регионам представлена в таблице 5.

В 2013 г. в среднем по РФ удельный вес расходов на оплату ЖКУ составил 10 %. В последующие годы этот показатель в структуре расходов менялся слабо, так как установлен опережающий рост тарифов на данные услуги. В 2013–2021 гг. относительно низкая доля расходов на

Таблица 5 – Динамика доли расходов на ЖКУ, транспортные услуги в структуре потребительских расходов населения сибирских регионов, %**Table 5** – Dynamics the share of housing and communal expenditures, transport expenditures in the consumer structure in the Siberian regions

Субъект РФ	2013		2015		2017		2020		2021	
	ЖКУ	Трансп.								
Республика Алтай	10	16	12	15	12	12	13	14	12	13
Республика Бурятия	11	11	13	10	14	16	14	15	13	17
Республика Тыва	9	12	9	15	12	8	11	13	10	21
Республика Хакасия	9	18	10	14	9	16	9	18	10	16
Алтайский край	13	16	12	13	13	11	13	16	13	19
Забайкальский край	11	14	11	8	10	10	12	10	12	12
Красноярский край	10	18	11	16	12	13	14	12	13	17
Иркутская область	10	17	8	23	9	13	9	16	9	16
Кемеровская область	9	14	10	16	11	13	11	19	12	15
Новосибирская область	11	20	11	16	9	17	11	19	11	13
Омская область	12	12	12	12	12	10	12	13	13	9
Томская область	8	32	10	17	10	18	11	20	12	13
Российская Федерация	10	17	10	14	11	15	12	15	11	14

оплату ЖКУ наблюдалась в регионах, специализирующихся на добыче углеводородов (Иркутская, Кемеровская и Томская области).

Начиная с 2004 г., в структуре потребительских расходов по регионам транспортные услуги включают совокупные расходы на непосредственно услуги и на приобретение транспортных средств. В среднем по РФ данный показатель достаточно высокий был в 2013 г. Сокращение доли расходов на транспортные услуги фиксировалось в периоды экономических кризисов 2015–2017, 2021–2022 гг. из-за снижения покупок автомобилей населением. Территориальные различия в доле расходов на покупку транспортных средств в разные годы составили от 8 до 23 % и были обусловлены реальными доходами населения, развитием транспортной инфраструктуры в регионе, структурными изменениями в потреблении. В разные годы более высокую долю расходов на транспорт имели Томская, Кемеровская, Иркутская, Новосибирская области и Красноярский край. Во всех вышеназванных регионах (за исключением Новосибирской области) значимая часть рабочей силы занята добычей полезных ископаемых (в т.ч. углеводородов) и имеют достаточно высокую заработную плату. Наименьшая доля расходов по транспорту в Республиках Алтай, Бурятия и Забайкальском крае.

Потребительские расходы населения включают услуги, работающие на развитие человеческого капитала. Это услуги в области образо-

вания, здравоохранения, на организацию отдыха, культурные и спортивные мероприятия. В среднем в РФ доля расходов населения на образовательные услуги мала и менялась за исследуемый период в пределах 0,9–1,6 %. Аналогичное значение по сибирским регионам составило 0,9–2,5 %. Исходя из данных Росстата, можно сделать вывод, что существенная часть населения в регионах предпочитает получать образовательные услуги на бюджетной основе.

Доля услуг здравоохранения во всех потребительских расходах тоже невелика и составила в среднем по РФ 2,2–4,2 % за 2013–2022 гг. В течение данного периода эта доля расходов медленно, но постоянно увеличивалась. Наиболее значимый рост доли расходов на здравоохранение в бюджетах домохозяйств фиксировался в 2020–2021 коронавирусных годах. В условиях пандемии covid-19 наиболее высокую долю медицинских расходов имели домохозяйства Новосибирской (5,4–5,9 %), Кемеровской (4,4–4,8 %), Омской (4,2–4,4 %), Томской областей (4,3–5,9 %), Алтайского края (4,4–4,9 %), Республики Алтай (4,4–4,8 %). Во всех вышеназванных регионах, за исключением Горного Алтая, достаточно высокая доля граждан старше трудоспособного возраста, которые чаще и тяжелее болели от COVID-19.

За исследуемый период доля расходов на организацию отдыха, культурные, спортивные мероприятия составила в среднем по РФ 5,6–6,6 %. По сибирским регионам различия в этом пока-

Таблица 6 – Корреляция доли расходов на услуги и социально-экономических показателей
Table 6 – Correlation of the share of service costs and socio-economic indicators

Социально-экономические показатели	Коэффициент корреляции (взаимосвязь расходов и социально-экономических показателей)		
	2013	2020	2021
Уровень занятости	0,822	0,574	0,598
Уровень общей безработицы	– 0,780	– 0,410	слабая связь
Соотношение денежных доходов и ПМ	0,608	0,553	0,541
Масштабы абсолютной бедности	– 0,513	– 0,524	– 0,502
Внутрирегиональное неравенство (коэффициент фондов)	0,574	0,413	0,512
Уровень урбанизации	0,501	0,489	0,494

Прим.: Spearman (sig.) на уровне значимости $p < 0,05$; $N = 16$. Расчеты произведены авторами на основе данных региональной статистики Росстата.

зателе более существенные. Повышенная доля расходов населения на организацию отдыха, культурные мероприятия в разные годы наблюдалась в Кемеровской (6,1–7,2 %) и Томской (4,9–8,6 %) областях, в Республике Алтай (5,9–4,2 % в 2021–2022 гг.). В Кемеровской области с начала 2000-х годов развивается горнолыжный курорт Шерегеш. За последние двадцать лет число туристов, посещающих этот курорт, увеличилось с 30 тыс. до 2 млн человек в зимнем сезоне 2020–2021 гг.⁷ В Томской области достаточно успешно развивается деловой, научный, культурно-познавательный, спортивно-оздоровительный туризм. В 2020–2021 гг. в Горном Алтае выросла доля потребительских расходов на организацию отдыха, благодаря увеличению потока туристов в курортный сезон из-за ограничений выезда за границу в условиях пандемии COVID-19 [23].

Региональные различия в доле расходов домохозяйств на услуги обусловлены влиянием уровня доходов и занятости, масштабов бедности, показателями общей безработицы, долей городского населения в территориальной структуре. Расчеты парных корреляций между соответствующими показателями за 2013 г., 2020–2021 гг. представлены в таблице 6.

Региональные различия в доле расходов домохозяйств на приобретение недвижимости, на различные виды услуг обусловлены влиянием социально-демографических и экономических детерминант. Результаты корреляционной взаимосвязи исследуемых параметров потребительского поведения и некоторых социально-

экономических показателей в 2021 г. представлены в таблице 7.

В приобретении недвижимости более значима положительная роль уровня урбанизации (корреляция 0,738) и доходов, скорректированных на величину ПМ (0,509). В услугах здравоохранения связь с уровнем доходов проявляется слабее (0,439), но роль возрастной структуры населения и численности жителей региональной столицы (0,520) становится более значимой. В 2021 пандемийном году в регионах с повышенной долей граждан старше трудоспособного возраста доля расходов на услуги здравоохранения была выше по сравнению с более молодыми по возрасту территориями.

Потребительские расходы на транспортные услуги положительно коррелируют с уровнем урбанизации (0,535) и повышенной долей людей старше трудоспособного возраста (0,620). Высокая иждивенческая нагрузка детьми в регионе работает на снижение потребительских расходов на приобретение транспортных средств (– 0,664). Доля расходов на организацию отдыха, культурные мероприятия в большей степени обусловлена достаточно высоким удельным весом городских жителей (0,491) в поселенческой структуре региона.

Значимыми отрицательными факторами в покупках недвижимости, в потреблении медицинских, транспортных, рекреационных услуг являются масштабы бедности и уровень общей безработицы. Данный тренд наиболее актуален для экономически слабо развитых сибирских регионов (Республики Алтай, Тыва, Бурятия, Забайкальский край).

Основными факторами долгосрочных трендов в потребительских расходах являются дохо-

⁷ Курорт «Шерегеш» впервые принял за горнолыжный сезон более 2 млн туристов // Информационное агентство ТАСС. URL: <https://tass.ru/sibir-news/11197871> (дата обращения: 25.01.2023).

Таблица 7 – Парные корреляции потребительских расходов на некоторые услуги, на недвижимость и социально-экономических показателей в 2021 г.**Table 7** – Pair correlations of consumer spending on some services, on real estate and socio-economic indicators in 2021

Потребительские расходы	Уровень доходов	Масштаб бедности	Уровень безработицы	Уровень урбанизации	Доля детей до 16 лет	Доля людей старших возрастов
Доля расходов на приобретение недвижимости	0,509	- 0,600	- 0,538	0,738	слабая связь	слабая связь
Услуги здравоохранения	0,439	- 0,539	- 0,517	0,449	- 0,628	0,570
Транспортные услуги	0,458	- 0,496	- 0,521	0,535	- 0,664	0,620
Организация отдыха, досуга	0,482	- 0,473	слабая связь	0,491	слабая связь	слабая связь

Прим.: Spearman (sig.) на уровне значимости $p < 0,05$; $N = 16$. Расчеты произведены авторами на основе данных региональной статистики Росстата.

ды населения, уровень бедности, различия в демографической и поселенческой структуре регионов. Перспективы изучения данной темы будут связаны с оценкой влияния на потребительское поведение масштабов ипотечного и потребительского кредитования.

■ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты проведенного исследования показали, что в течение 2013–2021 гг. в сибирских регионах в сфере доходов, уровня бедности, потребительских расходов наблюдались несколько долгосрочных трендов. По данным региональной статистики, в 2014–2020 гг. фиксировалось снижение душевых денежных доходов по сравнению с 2013 г. Наиболее значимо доходы снижались под влиянием экономического кризиса 2014–2017 гг., пандемийного кризиса 2020 г. Основные тенденции в уровне доходов были обусловлены влиянием экономических, демографических, поселенческих факторов: уровень занятости, показатели общей безработицы, внутрирегиональное неравенство доходов, высокая доля детей в возрастной структуре региона.

Сокращение доходов населения стало основной причиной роста численности малоимущих граждан в течение шести лет, начиная с 2014 г. В сложившихся социально-экономических условиях достижение национальных целей развития РФ в сфере реальных доходов, уровня абсолютной бедности было затруднено. В 2014–2020 гг. в сибирских регионах снижение доходов, повышение масштабов бедности было более существенным, чем в среднем по России.

В 2020–2021 гг. наметилось постепенное снижение уровня абсолютной бедности благодаря федеральным денежным выплатам семьям с детьми, безработным, пенсионерам, домохо-

зяйствам с доходами ниже прожиточного минимума. Но даже в относительно экономически благополучном 2021 г. в регионах СФО национальная цель по росту реальных доходов на 102,5 % не была полностью выполнена.

Сибирские территории по уровню бедности классифицированы на регионы-аутсайдеры (доля малоимущих – 19 % и выше), проблемные (17–20 %) и менее проблемные (12–16 %). Для всех сибирских субъектов значимыми факторами бедности являются низкий уровень доходов, внутрирегиональное неравенство доходов, иждивенческая нагрузка детьми, достаточно высокая доля сельских жителей в структуре региона. Повышенный уровень занятости снижает риски бедности для проблемных и менее проблемных регионов.

Долгосрочные тенденции в сфере денежных доходов, масштабов абсолютной бедности оказали значимое влияние на потребительское поведение домохозяйств. В 2013 г. доля потребительских расходов на удовлетворение основных потребностей в питании, одежде, обуви, оплате ЖКУ составляла чуть более 50 %. В последующие годы эта доля увеличилась до 56–58 %. Позитивные сдвиги в потребительском поведении домохозяйств замедлились. В нестабильных социально-экономических условиях 2014–2018 гг., 2020 г. соответствующие тенденции стали более негативными, особенно в распределении регионов по доли расходов на питание.

Сибирские регионы, специализирующиеся на добыче углеводородов, в годы экономического роста несколько опережали своих соседей по доле ресурсов, выделяемых на покупку недвижимости. В 2013–2014 гг. это было актуально для Красноярского края, Томской и Кемеровской областях. В 2021 г. расходы на покупку недвижимости выросли в Иркутской области.

Расходы на услуги жилищно-коммунальные, транспортные, здравоохранения, образования, рекреационные обусловлены действием различных факторов. Территориальные различия в доли расходов на оплату ЖКУ несущественны и во многом зависят от роста тарифов. Жители региональных столиц и пенсионеры более активно пользуются платными медицинскими услугами. У жителей больших городов выше организационные и финансовые возможности для

получения платных услуг здравоохранения. Услуги по организации отдыха, культурных мероприятий более востребованы у горожан и людей с относительно высоким уровнем дохода.

Основными факторами долгосрочных трендов в потребительских расходах являются доходы населения, внутрорегиональное неравенство доходов, масштабы абсолютной бедности, уровень урбанизации, различия в демографической структуре регионов. ●

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бобков В. Н., Одинцова Е. В. Материальное благосостояние россиян: межпоколенная дифференциация // *Мир новой экономики*. 2021. Т. 15, № 2. С. 16–28. EDN **RKNAKU**.
2. Зулова А. Г. Неравенство и бедность в России: динамика, причины, необходимость преодоления // *Народонаселение*. 2017. № 3 (77). С. 104–115. EDN **ZWTFKN**.
3. Шабанов В. А. Депривационный подход в исследованиях бедности // *Теория и практика общественного развития*. 2020. № 4 (146). С. 13–16. EDN **QFIMNG**.
4. Дугаржапова Д. Б., Пискунов Е. Ю. Изменение уровня жизни населения республики Бурятии сквозь призму структуры денежных расходов // *Регион: Экономика и Социология*. 2021. № 2 (110). С. 25–52. EDN **TKFYEF**.
5. Гришина Е. Н., Лаптева И. П., Трусова А. Н. Денежные доходы как основной индикатор уровня жизни населения России // *Статистика и Экономика*. 2019. Т. 16, № 3. С. 15–23. EDN **SOOHUW**.
6. Овчарова А. Н., Попова Д. О. Доходы и расходы российских домашних хозяйств: что изменилось в массовом стандарте потребления // *Мир России. Социология. Этнология*. 2013. Т. 22, № 3. С. 3–34. EDN **QCCUAJ**.
7. Григорьев А. М., Павлушина В. А., Бриллиантова В. В., Бондаренко К. А. Региональная динамика доходов и потребительского спроса населения в России // *Пространственная экономика*. 2018. № 3. С. 138–151. EDN **YAEZPF**.
8. Зубаревич Н. В. Влияние пандемии на социально-экономическое развитие и бюджеты регионов // *Вопросы теоретической экономики*. 2021. № 1 (10). С. 48–60. EDN **OJJEKS**.
9. Михеева Н. Н. Доходы и потребление домашних хозяйств в регионах в условиях пандемии // *Регион: Экономика и Социология*. 2022. № 3 (115). С. 81–104. EDN **AXTEUR**.
10. Минакир П. А. Экономика пандемии: дальневосточный аспект // *Пространственная экономика*. 2020. Т. 16, № 4. С. 7–22. EDN **WVMMJD**.
11. Елизаров В. В., Сеница А. А. Факторы бедности семей с детьми и перспективы её снижения // *Уровень жизни населения регионов России*. 2019. № 2 (212). С. 63–75. EDN **MZVLOC**.
12. Аганбегян А. Г. Преодоление бедности и сокращение неравенства по доходам и потреблению в России // *ЭКО*. 2017. № 9 (519). С. 66–84. EDN **ZEOZXX**.
13. Бобков В. Н., Гулюгина А. А., Зленко Е. Г., Одинцова Е. В. Сравнительные характеристики индикаторов качества и уровня жизни в российских регионах: субъекты, федеральные округа, Арктика // *Уровень жизни населения регионов России*. 2017. № 1 (203). С. 50–64. EDN **YNFEFD**.
14. ŽELINSKÝ, T. (2010). Analysis of poverty in Slovakia based on the concept of relative deprivation. *Politická Ekonomie*, 58(4), 542–565. <https://doi.org/10.18267/j.polek.746>.
15. ZUBAREVICH, N. V. (2019). Poverty in Russian regions in 2000-2017: factors and dynamics. *Population and Economics*, 3(1), 63–74. <https://doi.org/10.3897/popcon.3.e35376>.
16. Овчарова А. Н., Горина Е. А. Развитие адресной социальной поддержки нуждающихся в России: барьеры и возможности // *Вопросы экономики*. 2017. № 3. С. 5–21. EDN **YGKREN**.
17. Калугина З. И. Сибирь в ракурсе человеческого развития // *Регион: Экономика и Социология*. 2018. № 2 (98). С. 110–132. EDN **OTYCPZ**.
18. Решетникова Е. Г. Региональная дифференциация уровня жизни: вызовы времени // *Проблемы развития территории*. 2021. Т. 25, № 1. С. 108–122. EDN **ZWSQUP**.

19. **ПАСТУХОВА Е. Я., МУХАЧЕВА А. В., КОЧНЕВА О. П.** Уровень, динамика, факторы абсолютной и относительной бедности: региональный аспект // *Вопросы управления*. 2021. № 3 (70). С. 80–92. EDN VKYAJR.

20. **ЗУБАРЕВИЧ Н. В., САФРОНОВ С. Г.** Регионы России в острой фазе коронавирусного кризиса: отличия от предыдущих экономических кризисов 2000-х // *Региональные исследования*. 2020. № 2 (68). С. 4–17. EDN YSAAWI.

21. **ПАСТУХОВА, Е. Я., & МОРОЗОВА, Е. А.** (2019). Poverty and problems of nutrition in the Russian regions. In V. A. Trifonov (Ed.) *European Proceed-*

ings of Social & Behavioural Sciences (CIEDR 2018) (pp. 827–835). Published by the Future Academy. <https://doi.org/10.15405/EPBSBS.2019.04.89>.

22. **ЗУБАРЕВИЧ Н. В., САФРОНОВ С. Г.** Люди и деньги: доходы, потребление и финансовое поведение населения российских регионов в 2000-2017 гг. // *Известия Российской академии наук. Серия географическая*. 2019. № 5. С. 3–17. EDN QNEKYM.

23. **ПУЗАНОВ А. В., АНДРЕЕВА И. В.** Алтайский туризм в условиях пандемии COVID-19: от вызовов к выгодам // *Известия Алтайского отделения Русского географического общества*. 2020. № 3 (58). С. 78–88. EDN RRGXYL.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Пастухова Елена Яковлевна – кандидат экономических наук, доцент; Кемеровский государственный университет (доцент кафедры менеджмента имени И. П. Поварича; 650000, Россия, Кемерово, ул. Красная, 6); peau.13@yandex.ru. AuthorID РИНЦ: 405114, ORCID: 0000-0001-5518-1783.

Бельчик Татьяна Алексеевна – кандидат экономических наук, доцент; Кемеровский государственный университет (доцент кафедры менеджмента имени И. П. Поварича; 650000, Россия, Кемерово, ул. Красная, 6); talbel@rambler.ru. AuthorID РИНЦ: 273076, ORCID: 0000-0001-5729-8475.

Кочнева Оксана Петровна – Кузбасский региональный институт развития профессионального образования (методист социологического регионального центра; 650000, Россия, Кемерово, ул. Красная, 6); smiop@yandex.ru. AuthorID РИНЦ: 517715, ORCID: 0000-0002-2796-9669.

Статья получена: 03.02.2023. Заключение рецензента: 19.02.2023. Принята к печати: 14.05.2023.

MONETARY INCOMES, POVERTY AND CONSUMER EXPENDITURES IN THE REGIONS: LONG-TERM TRENDS AND IMPACT FACTORS

Pastukhova E. Ya.^a, Belchik T. A.^a, Kochneva O. P.^b

^a Kemerovo State University

^b Kuzbass Regional Institute of Professional Education Development

ABSTRACT:

Relevance. In accordance with the Unified Plan for Achieving the National Development Goals of the Russia, the annual growth rate of real incomes of the population is to amount to 102.5%, while the poverty rate is to be halved compared to the level of 2017. Significant variation between regions in income and the poverty rate hinder achieving the set goals. Siberian regions have long had lower income indicators and higher poverty rates compared to the national average indicators. This problem confirms the scientific and practical significance of the research.

Research purpose: to analyze long-term incomes, absolute poverty, consumer spending of the population in order to determine the socio-economic factors contributing to either growth or reduction of income, the extent of poverty, and changes in the consumption pattern of the population.

Research methods. To assess the poverty rate the concept of absolute poverty was used and also comparative and dynamic analysis, correlation and multiple regression analysis

Results. In 2014–2020, a trend towards reduction and stagnation of incomes of the population was formed. In 2020–2021, a gradual decrease in the level of absolute poverty started owing to the growth of targeted assistance to families with children, the unemployed, and households with incomes below the subsistence level. Changes in consumer behavior: up to 2014 the reduction in food spending was observed, after that the reverse trend occurred; household expenses for services increased, including housing and communal services, and transportation. During the pandemic, an increase in the consumption of medical services was observed. Depending on the poverty rate, the Siberian regions are classified into outsider regions with the highest proportion of the poor (Tyva, Gorny Altai, Buryatia), distressed and less distressed regions with medium and relatively low poverty rates. The research also identified factors having a statistically significant impact on poverty. These are the level and intra-regional inequality of income, the proportion of the rural population, the dependency burden. In the group of distressed and less distressed regions, the employment rate is a significant factor. The increase in employment results in reducing the proportion of the poor. The Russian national strategy to reduce poverty through income growth, employment rates, and assistance to families with children will become more effective if demographic, economic, settlement peculiarities of various regions are taken into consideration.

KEYWORDS: household income, absolute poverty, food expenditures, service expenditures, poverty factors, Siberian regions.

FUNDING: The article was prepared with the financial support of a grant from the Academician Nikolai Fedorenko International Scientific Foundation of Economic Research.

FOR CITATION: Pastukhova, E. Ya., Belchik, T. A., & Kochneva, O. P. (2023). Monetary incomes, poverty and consumer expenditures in the regions: long-term trends and impact factors. *Management Issues*, 17(3), 5–18. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2023-3-5-18>.

REFERENCES

1. BOBKOV, V. N., & ODINTSOVA, E. V. (2021). The material well-being of Russians: intergenerational differentiation. *The World of the New Economy*, 15(2), 16–28. <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2021-15-2-16-28>.
2. ZUBOVA, L. G. (2017). Inequality and poverty in Russia: Dynamics, causes, need to overcome. *Population*, (3), 104–115. <https://doi.org/10.26653/1561-7785-2017-3-8>.
3. SHABANOV, V. L. (2020). Deprivation approach in studying poverty. *Theory and Practice of Social Development*, (4), 13–16. <https://doi.org/10.24158/tipor.2020.4.1>.
4. DUGARZHAPOVA, D. B., & PISKUNOV, E. YU. (2021). Changes in the standard of living in the Republic of Buryatia through the prism of the monetary expenditure patterns. *Region: Ekonomika i Sotsiologiya*, (2), 25–52. <https://doi.org/10.15372/REG20210202>.
5. GRISHINA, E. N., LAPTEVA, I. P., & TRUSOVA, L. N. (2019). Monetary revenues as a major indicator of the living standards of the population of Russia. *Statistics and Economics*, 16(3), 15–23. <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2019-3-15-23>.
6. OVCHAROVA, L. N., & POPOVA, D. O. (2013). Cash income and expenditure of the Russian population: What are the changes in consumers' standard. *Universe of Russia. Sociology. Ethnology*, 22(3), 3–34. <https://elibrary.ru/qccuaj>.
7. GRIGOREV, L. M., PAVLYUSHINA, V. A., BRILLIANTOVA, V. V., & BONDARENKO, K. A. (2018). Regional dynamics of household income and consumer demand in Russia. *Spatial Economics*, (3), 138–151. <https://doi.org/10.14530/se.2018.3.138-151>.
8. ZUBAREVICH, N. V. (2021). Influence the pandemic at socio-economic development and regional budgets. *Issues of Economic Theory*, (1), 48–60. <https://doi.org/10.24411/2587-7666-2021-10104>.
9. MIKHEEVA, N. N. (2022). Household income and consumption in the regions in pandemic conditions. *Region: Ekonomika i Sotsiologiya*, (3), 81–104. <https://doi.org/10.15372/REG20220304>.
10. MINAKIR, P. A. (2020). The economy of the pandemic: A Far Eastern Russian aspect. *Spatial Economics*, 16(4), 7–22. <https://doi.org/10.14530/se.2020.4.007-022>.
11. ELIZAROV, V. V., & SINITSYA, A. L. (2019). Factors

of poverty of families with children and prospects of its reduction. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*, (2), 63–75. <https://doi.org/10.24411/1999-9836-2019-10065>.

12. AGANBEGYAN, A. G. (2017). Overcoming poverty and reducing the income and consumption inequalities in Russia. *ECO*, (9), 66–84. <https://elibrary.ru/zeozxx>.

13. BOBKOV, V. N., GULYUGINA, A. A., ZLENKO, E. G., & ODINTSOVA, E. V. (2017). Comparative characteristics of quality and standard of living indicators in Russian regions: subjects, federal districts, the Arctic. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*, (1), 50–64. <https://elibrary.ru/ynfejd>.

14. ŽELINSKÝ, T. (2010). Analysis of poverty in Slovakia based on the concept of relative deprivation. *Politická Ekonomie*, 58(4), 542–565. <https://doi.org/10.18267/j.polek.746>.

15. ZUBAREVICH, N. V. (2019). Poverty in Russian regions in 2000-2017: factors and dynamics. *Population and Economics*, 3(1), 63–74. <https://doi.org/10.3897/popecon.3.e35376>.

16. OVCHAROVA, L. N., & GORINA, E. A. (2017). Promoting the income-tested social support in Russia: barriers and facilitators. *Voprosy Ekonomiki*, (3), 5–21. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2017-3-5-21>.

17. KALUGINA, Z. I. (2018). Siberia from the perspective of human development. *Region: Ekonomika i Sotsiologiya*, (2), 110–132. <https://doi.org/10.15372/REG20180205>.

18. RESHETNIKOVA, E. G. (2021). Regional differentiation of living standards: Challenges of time.

Problems of Territory's Development, 25(1), 108–122. <https://doi.org/10.15838/ptd.2021.1.111.6>.

19. PASTUKHOVA, E. YA., MUKHACHEVA, A. V., & KOCHNEVA, O. P. (2021). Rates, dynamics, and factors of absolute and relative poverty: Regional aspect. *Management Issues*, (3), 80–92. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2021-3-80-92>.

20. ZUBAREVICH, N. V., & SAFRONOV, S. G. (2020). Regions of Russia in the acute phase of the covid crisis: Differences from previous economic crises of the 2000s. *Regional Studies*, (2), 4–17. <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2020-2-1>.

21. PASTUKHOVA, E. YA., & MOROZOVA, E. A. (2019). Poverty and problems of nutrition in the Russian regions. In V. A. Trifonov (Ed.) *European Proceedings of Social & Behavioural Sciences (CIEDR 2018)* (pp. 827–835). Published by the Future Academy. <https://doi.org/10.15405/EPSSBS.2019.04.89>.

22. ZUBAREVICH, N. V., & SAFRONOV, S. G. (2019). People and money: Incomes, consumption and financial behavior of the population of the Russian regions in 2000-2017. *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*, (5), 3–17. <https://doi.org/10.31857/S2587-5566201953-17>.

23. PUZANOV, A. V., & ANDREEVA, I. V. (2020). Altai tourism in the context of the COVID-19 pandemic: From challenges to benefits. *Proceedings of the Altai Branch of the Russian Geographical Society*, (3), 78–88. <https://doi.org/10.24411/2410-1192-2020-15807>.

AUTHORS' INFORMATION:

Elena Ya. Pastukhova – Ph.D. of Economic Sciences, Associate Professor; Kemerovo State University (associate professor of the Department of Management named after I. P. Povarich; 6, Krasnaya St., Kemerovo, 650000, Russia); peau.13@yandex.ru. RSCI AuthorID: 405114, ORCID: 0000-0001-5518-1783.

Tatiana A. Belchik – Ph.D. of Economic Sciences, Associate Professor; Kemerovo State University (associate professor of the Department of Management named after I. P. Povarich; 6, Krasnaya St., Kemerovo, 650000, Russia); talbel@rambler.ru. RSCI AuthorID: 273076, ORCID: 0000-0001-5729-8475.

Oksana P. Kochneva – Kuzbass Regional Institute of Professional Education Development (methodologist of the Sociological Regional Center; 6, Krasnaya St., Kemerovo, 650000, Russia); smiop@yandex.ru. RSCI AuthorID: 517715, ORCID: 0000-0002-2796-9669.

Article received 02/03/2023; reviewed 02/19/2023; accepted 05/14/2023.